

Елена Кравцова.

«Как хорошо мы плохо жили»

(Борис Рыжий)

Все чаще среди друзей-сверстников слышу избитую фразу: «снаряды ложатся все ближе». Она справедлива (заставляет трезво оценить жизненную дистанцию), но ничего не объясняет и реально «ни к чему не готовит». Вот и с Леной – потеря внезапная, неожиданная. Сама эта внезапность вводит в ступор. «Логику» ухода искать бессмысленно; ее и нет. Спасает память, калейдоскоп всплывающих в сознании «картинок», вызывающих те эмоциональные переживания, которые возникали при личных встречах.

Внучка. Мы с Леной Кравцовой учились на факультете психологии МГУ на одном курсе, но тесно в студенческий период не общались; у нее была своя компания, у меня – своя. Сейчас уже не помню точно кто (да это и неважно), но «кто-то» в перерыве между лекциями, указав на группу азартно спорящих в коридоре девочек, сказал: «смотри вон та маленькая - это внучка Выготского». Тогда на меня это не произвело ровным счетом никакого впечатления. У каждого свой дедушка: у нее – свой, у меня – свой. Признаться, и имя Выготского для меня тогда мало что значило... Кто бы знал?! Уж я точно не представлял, что для меня будет значить творчество Льва Выготского; лишь позже его «Гамлет», «Психология искусства», «Мышление и речь», «Педагогика подростка» стали определяющими ориентирами в собственной работе. Но та первая мимолетная встреча почему-то запомнилась. Запомнился тот напор, искренность, смелость, уверенность в своей правоте с которой эта малышка убеждала своих сокурсниц. Да и позже, в течении всех последующих лет нашего знакомства, эти качества проявлялись у Лены в самых разных жизненных обстоятельствах; подчас в очень сложных социальных ситуациях в период ее руководства Институтом психологии имени Л.С.Выготского. Признаюсь,

меня удивляла эта ее социальная прямота, «наивность», «негибкость» при отстаивании своих взглядов, тех моральных принципов, на которых должны строиться профессиональные отношения в науке. Бедняжка, - сколько она настрадалась в период руководства институтом! Об этом наверное знает только ее муж Гена Кравцов...

1976 год, телефонный звонок: «- Привет, это Лена Кравцова. Маме понравилось твое выступление, я дам ей трубку. – Здравствуйте Володя. Это Гита Львовна Выгодская... Про Мандельштама... я не знала этих деталей, спасибо». Спасибо Лена! Ты познакомила меня с Гитой Львовной, и в моей жизни эта *встреча* сыграла очень важную роль. Поясню. Тогда (в 1976-м) в Институте психологии АПН СССР проходили семинары, посвященные 80-летию со дня рождения Выготского. После доклада Владимира Петровича Зинченко между ним и Василием Васильевичем Давыдовым возник небольшой спор по поводу правомерности ссылок на поэзию (в частности, поэзию Мандельштама) в серьезной научной дискуссии: «Лучше бы ты представления о деятельности сопоставил у Выготского и Рубинштейна» - бросил в запале Давыдов. Меня тогда это зацепило, и через две недели на семинаре я выступил с небольшим сообщением по поводу эпитафии «Я слово позабыл, что я хотел сказать» к последней главе в монографии Выготского «Мышление и речь». В сообщении я доказывал наличие внутреннего диалога Выготского со статьями Мандельштама о поэзии, искусстве и культуре. Без учета этого диалога многое оказывается непонятым во взглядах Выготского на психологическую проблему соотношения мышления и речи. Тогда же я и сформулировал тезис о необходимости исследований *поэтики* текстов Выготского. Гиту Львовну заинтересовали и приведенные мною биографические данные, связанные со знакомством Выготского и Мандельштама, и сам подход к анализу поэтики текстов Выготского. Потом мы перезванивались, при встречах улыбались друг другу. Еще раз, спасибо Лена за эту встречу...

У каждого свой дедушка... У Лены было общее с Гитой Львовной понимание важности сохранения и популяризации научного наследия Выготского. Это редкое сотрудничество матери и дочери; особый талант взаимопонимания, взаимной поддержки и ответственности за общее дело. Так получилось, что в течении 80-х мы практически не общались («понагнало другие дела»), лишь иногда сталкивались на конференциях или семинарах... При встречах тепло друг другу улыбались; улыбка у нее, как и у Гиты, была открытая, почти детская. В общих чертах я конечно представлял чем она занимается, поскольку и моя жена (Лена Смирнова) тоже проводила психологические исследования в области дошкольного детства. Но в середине 90-х (точнее в 1995-м) Лена создала в структуре РГГУ Институт психологии им. Л.С.Выготского. И здесь для меня открылась совершенно особая сторона ее личности. Создание института значило для нее гораздо больше, чем просто сохранение памяти о замечательном ученом – ее деду. Это было, в первую очередь, стремление приобщить к научной школе Выготского новое поколение психологов, развернуть в логике его научных представлений исследовательские программы современного детства. Подчеркну, институт был ее личным, *кровным* делом. Здесь я не буду вдаваться в подробности (увело бы сильно в сторону), но лишь напомню, что в своем анализе «Гамлета» Выготский довольно подробно обсуждает острое переживание «семенной связи» Гамлета со своим отцом. У Лены, на мой взгляд, и проявилось (благодаря, безусловно, влиянию матери) подобное глубинное личностное переживание связи со своим дедом. При этом и архив Выготского, который сохранила Гита Львовна, сыграл здесь огромную роль; обязывал продолжить публикацию его научного наследия.

Архив не давал ей покоя... Это чувствовалось; возможно здесь проявился и левиновский эффект незаконченного действия (своеобразная идентификация с дедом?). Но, если отвлечься от психоаналитических упражнений, то ясно, что в ее жизни идея издания полного собрания сочинений Выготского, с опорой на архивные материалы, имела важное значение. Об этом следует

сказать хотя бы несколько слов. Предварительно отмечу, что на базе института Лена, совместно с Гитой Львовной, организовала проведение ежегодных международных конференций, посвященных творчеству Выготского, которые стали крупным научным событием. Марафонскую дистанцию, растянувшуюся на долгие годы, несмотря на организационные и финансовые сложности по их проведению (особенно в тот период, когда она перестала быть директором института), она прошла до самой своей смерти. На этих конференциях обсуждались важные вопросы, связанные с научным наследием и творчеством Льва Семеновича. Я участвовал в большинстве из них, выступая с докладами и лекциями по психологии искусства в работах Выготского. Однажды она позвонила и предложила встретиться по поводу задуманного издания 16-томника Выготского. На встрече сказала: «Мы с Гитой хотим, чтобы 1-й том по искусству ты редактировал и сделал комментарии. Мы дадим тебе все, имеющиеся в семейном архиве материалы». - Спасибо Лена!

Спасибо... Трудно переоценить тот *подарок*, который она мне сделала. Жизнь моя наполнилась совершенно особым смыслом. Тот тезис, который я сформулировал в 1976 году о необходимости исследования поэтики текстов Выготского, я смог теперь реализовать на материале его ранних театральных рецензий. Вчитываясь в них, я стал различать голоса многих авторов, фрагменты текстов которых включал Выготский в свои рецензии; слышать те интонации, которые определяли диалог и смысловые напряжения в культуре того времени. Это переживание потрясающих эмоциональных состояний, возникающих при расшифровке текста. По результатам моей работы и был издан 1-й том из задуманного 16-томника. Насколько я знаю он и является пока единственным, - работа над остальными осталась незавершенной. Помимо этого тома, я издал монографию «Комментарии к театральным рецензиям Л.С.Выготского» (2015). Я и сейчас продолжаю работать с Лениным «подарком»: готовлю книжку по национальным проблемам, которые затрагиваются в ранних статьях Выготского, собираюсь подготовить

II-й том из задуманного собрания. Это мой долг - долги надо отдавать. Еще раз: спасибо Лена!

И еще одна, всплывающая в сознании «картинка»: *дедушкин балкон*. Гомель. После пленарного заседания, мы, участники конференции, посвященной памяти Выготского, идем по Советской улице. Подходим к дому, где жила семья Выготских, - теперь здесь филармония. Ловлю Ленин грустный взгляд: «Знаешь, когда Гита здесь была несколько лет назад, то ее не пустили». Все понял. Пошел, договорился – пустили. Люди приветливые, вежливые; открыли все кабинеты. Поднялись на второй этаж, открыли балконную дверь в одной из комнат. Она стоит на балконе и улыбается, своей открытой детской улыбкой. Я: «Ведь он также на балконе стоял, вниз на улицу смотрел... Чувствуешь?». Она: «Да... А вон видишь на углу большой дом, - там банк был! Там его отец, мой прадед, работал. Говорят с балкона было видно окно его кабинета». Какая она была счастливая.

Закончу строчками из стихотворения, с которого начал:

*И только небо, может быть,
Смотрело пристально и нежно
На относящихся небрежно
К прекрасному глаголу – жить!*

Владимир Собкин